

- [От переводчика](#)
 - [Алексей Курбановский. Предисловие](#)
 - [Честливый Дэйв](#)
 - [Франк не промуч](#)
 - [Славный пес Найджел](#)
 - [У зудного](#)
 - [Эрик Хирбл и его Жирный Струп](#)
 - [Вечеринка у Рэндольфа](#)
 - [Великолепная Пятерка В Горемычном Аббатстве](#)
 - [Грустный Майкл](#)
 - [Я отправляюсь](#)
 - [Письмо](#)
 - [Восторженная Поклонница](#)
 - [Осип Сокрович](#)
 - [Говорит Алек](#)
 - [Лиддипул](#)
 - [Спросите Чего Попалегче](#)
 - [Милый милый Клайв](#)
 - [Невильский Клуб](#)
 - [Робкий](#)
 - [Один под деревом](#)
 - [Генри и Гарри](#)
 - [Тэд Глухой и Данута \(со мной\)](#)
 - [Сюрприз Малютке Бобби](#)
 - [Несчастный Франк](#)
 - [Одно Из Хмурых Утр](#)
 - [Я Помню Это Арнольд](#)
 - [Кое-что о халяваторе](#)
-

От переводчика

Однажды самый-самый главный ленинградский битломан обратился к своему другу, знаменитому в определенных кругах переводчику, с просьбой перевести прозу Джона Леннона. Последовал лаконичный ответ: «Учи английский! Эти вещи принципиально непереводимы.»

Безусловно, эти слова справедливы. Все миниатюры Леннона построены на каламбурах, перестановке букв внутри громоздких английских словес, на сходстве звучаний, буквальном прочтении метафор, и так далее, то есть – рождены озорной и совершенно чужой языковой стихией. Но, с другой стороны, мы же имеем несколько русских вариантов кэрроловской Алисы (включая совсем русскую набоковскую Аню), или маршаковские переложения «лимериков» Эдварда Лира!.. С обоими авторами Леннона роднит чувство гротеска, ирония, пародия на литературные реалии и штампы. Но отличает его чисто современное «катастрофическое» понимание действительности, невозможное в викторианской Англии. Кроме того, Джон Леннон – символическая фигура этого века. Он неразрывно связан с музыкой «Битлз», с задором, оптимизмом и надеждами молодежи конца 60-х – начала 70-х годов; но он больше, чем просто рок-музыкант. Для многих людей, особенно в нашей стране, он воплощает духовное раскрепощение, власть воображения, веру в творческую силу любви. Ни разу не побывав в России, Джон стал нашим – как Байрон и Блейк, Чеширский Кот и Винни-Пух, как электрогитара и рок-н-ролл! Поэтому с особым чувством мы обращаемся к его наследию, вслушиваемся, вчитываемся во все, что он оставил.

Книга «Пишу, как пишется» выросла из анекдотов, стишков, набросков и карикатур, которые Джон чирикал под партой еще в школьные дни в Куорри-Бэнк (о чем вспоминает в предисловии Поль Маккартни), и к которым он частенько возвращался то за сценой перед концертом, то в случайном гостиничном номере на турне. Изящный маленький томик появился в свет 23 марта 1964 года, в самый разгар «битломании». Сольный «опус» Джона, он включает и одну композицию «Леннон–Маккартни», совсем как на пластинке. По случаю выхода книги, автор был удостоен специального торжественного обеда в престижнейшем лондонском литературном клубе «Фойлс». Во время приема радиожурналист спросил у Леннона: «Вы сознательно используете прием оноματοпэзии?» {Ономатопэзия – образование имен или слов посредством

звукоподражания, ассоциирующегося с обозначаемым предметом или действием, а также естественно связанного с таковыми (Краткий Оксфордский словарь английского языка, 7-е издание, 1982, стр. 712).} "Автомато...чего? – переспросил Джон, приехавший с похмелья.

– Не знаю, о чем ты болтаешь, сынок." Тем не менее, книга получила лестные рецензии: авторитетный «Таймс Литтерари Сапплмент» рекомендовал ее для «изучения всем тем, кто сетует на оскудение возможностей английского языка». Другие критики отмечали в образной структуре влияние Джеймса Джойса и Франца Кафки. Вскоре книга стала бестселлером и в Англии, и в США.

Обрела книга и театральную судьбу: премьера сценической постановки состоялась в знаменитом лондонском театре «Олд Вик» 18 июля 1968 года. Пьеса, однако, была подвергнута суровой цензуре управлением Лорда Гофмейстера Двора – за «богохульные намеки» и «непочтительное упоминание» некоторых лидеров европейской политики тех времен. Внимательный читатель более зрелого поколения, очевидно, без труда узнает в «Докере Аденоиде» первого канцлера ФРГ доктора К.Аденауэра; досталось и президенту Франции де Голлю, и премьер-министру консервативного правительства Великобритании Гарольду Мак-Миллану, и другим. Политические фигуры в ленноновских фантазиях соседствуют с шаржированными литературными персонажами (см., например, остроумно обыгранные мотивы «Острова сокровищ»). Но главным «героем» является невозмутимый английский обыватель, чья добропорядочная размеренная жизнь вдруг оборачивается грубым балаганом, где человека убить – что муху прихлопнуть. Русскому читателю жирный нарос, заживший самостоятельной жизнью на голове Эрика Хирбла, может напомнить сбежавший нос майора Ковалева. Но Леннон, родившийся под взрывы фашистских бомб, видит мир сквозь призму «черного юмора», отражающую больше абсурда и бессмыслицы. Здесь сладко поют свиньи, собаки занимаются вольной борьбой, а смерть в компании приятелей является лучшим подарком на Рождество. И обо всем этом рассказывается легко, в тоне нередко скабрёзного анекдота.

Перевод этого ленноновского шутовства и баловства представляет значительные сложности – в плане использования иных, русских лингвистических и фонетических возможностей, подыскания эквивалентов, и так далее. Вот пример – один из первых рассказиков, о Франке. В оригинале он называется «No Flies On Frank», что значит «На Франке нет мух», причем мухи в дальнейшем играют существенную роль в сюжете. Но дело в том, что выражение: *there are no flies on somebody* – идиома,

означающая: «его на мякине не проведешь, на кривой не объедешь, он не дурак» и так далее; происходит это выражение якобы от упоминания животного, настолько изворотливого и быстрого, что на него и муха сесть не могла. Следует указать также использование приема «текст в тексте», и пресловутую оноματοпэю, и многое другое, что, может быть, заметит более изощренный глаз.

При переводе хотелось сохранить, прежде всего, дух оригинала, своеобразный колючий юмор, задор, граничащий с вызовом. Переводчик стремился к тому, чтобы Джон Леннон заговорил по-русски естественно и непринужденно, в той же просторечной манере, подкрашенной и молодежным слэнгом, и вульгаризмами, какая присуща первоисточнику. Поэтому при безусловном сохранении сюжета (там, где он есть), а в стихах – размера, в текст введены некоторые русские языковые и культурные реалии, приближающие его к современному молодому читателю. Насколько удачно это получилось – судить публике.

Данное издание не является строго академическим, выверенным научно-критическим исследованием текста. Время такового еще, очевидно, придет – хочется надеяться, в серии «Литературные Памятники», с подробными комментариями и примечаниями. Если данная попытка вдохновит иных переводчиков обратиться к миниатюрам Леннона

– они обнаружат, что материал благодарный, вознаграждает самый кропотливый труд. Готовившие и работавшие над выпуском в свет этой небольшой книжки хотели «пробить брешь в стене», дать в руки русскому читателю первый полный перевод первой книги Джона Леннона. Эта работа завершена в год, когда отмечалось 50-летие знаменитого «битла», этой дате и посвящается сей труд.

Алексей Курбановский. Предисловие

Впервые я встретил его на сельской ярмарке в Вултоне. Я был паинькой-школьником, и когда он забросил руку мне на плечо, то я с ужасом понял, что он пьян. Было нам тогда лет по двенадцать; несмотря на все его заморочки, мы постепенно стали приятелями.

Тетушка Мими (она приглядывала, чтобы его не слишком заносило) внушала мне, бывало, что на самом деле он умнее, чем хочет казаться, и всякое такое. Он сочинил стихотворение для школьного журнала про отшельника, который говорил: «Дыханием живу и замереть не смею». Тут я стал смекать: больно мудрен! Одни очки вон чего стоят, да и без оных на него удержу нет. «То ли еще будет!» – отвечал он обычно на взрывы одобрительного смеха.

Кончив Куорри-Бэнкскую школу для мальчиков, он поступил в ливерпульский художественный колледж. Потом бросил учебу и стал играть в группе под названием «Битлз», а теперь вот написал книгу. И вновь я смекаю: мудрен! Что это в нем – выпендреж, заумь или что-то еще?

Непременно найдутся тугодумы, которые многое в этой книге сочтут нелепицей, отыщутся и такие, кто начнет докапываться до какого-то скрытого смысла.

«Кто такой Тарабанщик?»

«Глухая старая калоша? Это неспроста!»

Вовсе не обязательно, чтобы всюду был смысл: смешно – ну и ладно.

Честливый Дэйв

Как-то раз, в незапамятные времена, жил да был на свете честливый Дэйв – у него была в жизни цель. «Я честливый Дэйв», – свердил он каждое утро, и то была уже половина дела. За завтраком он, бывало, опять говорил: «Я честливый Дэйв», что всегда раздражало Бэтти. «Ты по уши в терье, Дэйв», – талдычил какой-то голос, когда он ехал на работу – как оказалось, это был негр-кондуктор! «Тебе-то хорошо», – думал обычно Дэйв, не вполне осознавая расовую проблему.

Честливый Дэйв был совершенно сногшибательный коммивояжер, с хорошо подбешенным языком, что всегда раздражало Мэри. «Кажется, я позабыл купить автобусный билет, конструктор», – сказал Дэйв, сам не понимая, что с ним. «Вытряхивай тогда из автобуса», – сказал Баджуубу голосом, не предвещавшим ничего хорошего – он и сам-то расовую проблему до конца не осознал. «Хорошо», – покорно ответил Дэйв, не желая вступать в пререкания. И когда он поспешно, как припадочный, соскочил с автобуса, внутренний голос возьми и рявкни ему в самое ухо: «А понравилось бы тебе, если б твоя дочь вышла замуж за такого?»

Франк не промуч

Франк был малый не промуч, а в то утро муч на нем и вовсе не было – что ж в этом удивительного? Он был законопослушный гражданин с женой и дитем, не так ли? Обыкновенным франним утром он с неописуемым проворством вскочил на половые весы в водной. К своему величайшему лужасу обнаружил он, что прибавил себя на целых двенадцать дюймов! Франк не мог этому поверить, и кровь бросилась ему в голову, причинив довольно сильный покрас.

«Не могу осмыслить сей невероятный подлинный факт о своем собственном теле, которое не обрело ни капли жира с тех самых пор, как мать произвела меня на свет посредством детоброжения. Ах, и на своем пути в сем бредном подлунном мире, разве я питался норманно? Что за немилосердная сила повергла меня в это жирное несчастье?»

И снова Франк взглянул вниз, на жуткую картину, помутившую его взор чудовищным весом. «Прибавление на целых двенадцать дюймов, Боже! Но ведь я не жирнее своего брата Джоффри, чей отец Алек произошел от Кеннета через Лесли, который породил Артура, сына Эрика из дома Рональда и Апреля, хранителей Джеймса из Ньюкасла, кто выиграл „Мэйдлайн“ при ставках 2 к 1 на Серебряном Цветке, обойдя 10:2 Турнепс по 4/3 пенса за фунт?»

Он спустился вниз раздавленный и оближенный, ощущая непомерный гнус, который лег на его клячи – даже женино потрепанное лицо не засветило обычную улыбку в голове Франка, который, как помните, был малый не промуч. Жена его, бывшая каролица красоты, созерцала его со странным, но самодовольным видом.

«Что это бложет тебя, Франк?» – спросила она, растягивая свое морщинистое, как червослив, лицо. «Ты выглядишь презренно, даже, пожалуй, неприлично,» – добавила она.

«Это-то ничего, но вот я прибавил на целых двенадцать дюймов больше, чем в это же самое время вчера, по этим вот самым часам – разве я не несчастнейший из людей. Не дерзай говорить со мной, ибо я могу поразить тебя смертельным ударом, – это испытание я должен скосить один.»

«Боже мой! Франк, ты жутко поразил меня столь мрачными словесами – разве я виновата в твоём страшном несластии?»

Франк грустно посмотрел на жену, забыв на минуту причину своего

горя. Медленно, но тихо подойдя к ней, он взялся за голову как следует и, без промеха нанеся несколько быстрых ударов, безжалостно сразил ее наповал.

«Не подобало ей видеть меня таким жирным,» – пробормотал он, – «к тому же в ее тридцать второй день рождения.»

В это утро Франку пришлось самому готовить себе завтрак – впрочем, как и в следующие утра.

Две (а может, три) недели спустя Франк вновь, проснувшись, обнаружил, что на нем нет мух.

«Этот Франк – малый не промех,» – подумал он; но к его величайшему удивлению, очень много мух было на жене, которая все еще лежала на полу в кухне.

«Не могу вкушать хлеб, пока она лежит здесь,» – подумал он вглух, записывая каждое слово. «Я должен доставить ее в родимый дом, где ее примут с радостью.»

Он запихал ее в небольшой мешок (в ней всего-то было метр двадцать) и направился к тому законному дому. Вот Франк постучался в дверь, и теща открыла.

«Я принес Мэриан домой, миссис Сатерскилл» (так и не привик он называть тещу «мамой»). Он развязал мешок и вывалил Мэриан на порог.

«В моем доме я не потерплю всех этих мух,» – вскричала миссис Сатерскилл, ибо она очень гордилась своим домом, и захлопнула дверь. «Уж могла бы, по крайней мере, предложить мне чашечку чаю,» – мрачно подумал Фрэнк, вновь взваливая проблему на свои клячи.

Славный пес Найджел

Гав-гав, глядите, вот бежит
Косматый наш дружок.
Фонарный столб он оросит
И – дальше со всех ног.

Славный песик! Хвост вразлет -
Служи, милоч, служи!
Тебя, мой умник, радость ждет -
ЗАВТРА В ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ
МЫ УСЫПИМ ТЕБЯ, НАЙДЖЕЛ.

У зудного

Мадам: Мой дуплистый зуб сильно меня крючит.

Сэр: Солитесь же в это грустло, Мадам, и откройте пошире Вашу класть...

– О, Ваш крот совсем обеззубел.

Мадам: Увыах! У меня осталось всего восемь зубов (сохранилось всего восемь зубов).

Сэр: Значит, Вы потеряли восемьдесят три.

Мадам: Немероятно!

Сэр: Всем известно, что во рту имеются четыре кривца, два глупца и десять пристяжных, что вместе составляет штрипцать два.

Мадам: Ведь я все делала, чтоб сохранить свои зубы.

Сэр: Может выть! Но не вышло.

Мадам: Ах! Почему я не грешилась прийти к вам раньше?

Сэр: Рушайтесь, сейчас или негода.

Мадам: Так вы будете его вырывать?

Сэр: Нет, Мадман, я его элиминирую.

Мадам: Но ведь это очень больно.

Сэр: Дайте-ка на него взглянуть – Крак! – Вот он, пожалуйста, Маданц.

Мадам: Ах сэр, мне так хотелось сохранить этот зуб (я желала сохранить этот зуб).

Сэр: Он весь черный, глиной – да и остальные тоже.

Мадам: Пощадите! Чем же я тогда буду есть?

Сэр: Министерство здравозащоронения пред– оставляет Вам возможность получить бес– платный набор зубных протезов, с ними будет похуже, что Вы на тридцать лет моложе.

Мадам: (В сторону): Тридцать лет дороже! (Громко): Хорошо, сэр, я без предрассудков, вырывайте все мои погнилушки.

Сэр: О'кэй, чичас.

Эрик Хирбл и его Жирный Струп

Как-то ранним сальным утром Эрик Хирбл проснулся и обнаружил у себя на голове огромный жирный нарост. «О, Рожа!» – воскликнул Эрик Хирбл, весьма удивленный. Впрочем, дальше он занялся своими гробычными усренними делами, ибо чего тут особенно беспокоиться, из-за какой-то шишки? Но вдруп он услышал тоненький голосок, который звал его: «Эрик... Эрик Хирбл», – вроде бы так, правда, сам я, честно говоря, не слышал.

Следующим вечером тот же голосок сказал: «Эрик, это я, жирный нарост на твоей собственной голове, Эрик, помоги мне!»

Вскоре Эрик привык и даже очень привязался к своему жирному дружку.

«Зови меня Струп», – сказал голос. Так оно и было.

«Зови меня Эрик», – сказал Эрик, как ни в чем ни бывало.

С тех пор Эрика всюду видели с большим жирным струпом на голове. Из-за этого Эрик и лишился работы в школе, где он учил танцам спазматиков.

«Мы не допустим, чтоб нашим ребятам преподавал калека», – заявил Директор школы.

Как-то раз, в незапамятные бремена, далеко-далеко, на краю земли, за холмами да за морями, куда и вороне не залелеть, жили-были 39 человек на маленьком острове в далеком и чужом краю.

Когда наступало у них время заражайное, тут уж все веселились как могли: пировали, плясовали и все остальное– прочее. А Перри (который был у них Лорд-Мурлом) должен был к празднику отрыть (тут-то он и показывал свою прыть) какую-нибудь новую забаву (вот смеху– то бывало!), аттракцион или артиста (как-то раз он пригласил гнома). Но уж в этот год Перри превзошел самого себя – раздобыл натурального Пса-Борца!

Но только кто же рискнет сразиться с этим чудоюдом? Да ну его на фиг!

Вечеринка у Рэндольфа

Наступил Рождественский вечер, но Рэндольф хирел один. Где же все его добрые приятели – Берни, Дэйв, Никки, Алиса, Бедди, Фриба, Вигги, Найджел, Альфред, Клайв, Стэн, Франк, Том, Гарри, Джордж, Гарольд? Куда все они подевались в такой день? Рэндольф мрустно поглазел на единственную проздравительную открыжку, которую ему прислал отец, жующий отдельно.

«В толк не возьму, как же это я такой одиночный, да в тот самый вечер, когда, вроде бы, положено востраиваться с дружками», – размышлял Рэндольф. Тем временем, он подлежал развешивать всюду разукрашения и всяческую чешуру. Вдруг, как грум среди частного неба, раздаётся превеселый стук в дверь. Ну кто, да кто бы это мог стучаться в дверь ко мне, страшивает он и отворяет. Глядь, а на пороге-то все его шнурки-приятели, как один: Берни, Дэйв, Никки, Алиса, Бедди, Фриба, Вигги, Найджел, Альфред, Клайв, Стэн, Франк, Том, Гарри, Джордж, Гарольд, ну дела!

«Заходите старики, кореша и чуваки», – приветствовал их Рэндольф, ухвыляясь от уха до рыла. Ну, они и ввалились, хохмоча и голося: «Веселого Рожлиства, Рэндольд», – громко и сердечно, а потом накинудись на него и ну тузить, лупить по кумполу, приговаривая: «Никогда-то мы не любили тебя, дурья твоя башка, и чего ты только к нам примазывался, олух...»

Словом, они убили его, видите ли, но по крайней мере, нельзя ведь сказать, что он помер одиноко, верно? Счастливого Рождества тебе, Рэндольф, друган ты наш!

Великолепная Пятерка В Горемычном Аббатстве

Настало время для приключений Великой Пятерки, описанной Энигом Блайтером. Ведь их было пятеро, не правда ли – Том, Стэн, Дэйв, Найджел, Бернис, Артур, Гарри, Уи Джоки, Матумбо и Крейг? Последние 17 лет великоляпная пятюка храбро пускалась во всевоснежные адвентюры на необучаемых островах и в таинственных данилах. При этом их всегда сопровождал серный пес по кличке Крэгсмор. Был у них и знаменитый Дядюшка Филпол со своими знаменитыми седыми кудряшками, обветренным красноморщинистым лицом, в знаменитых рыбацких сапогах и потрепанном свитере, живший в своем маленьком домике-гомике.

Колеса поезда стучали: «Градди-под, градди-под, мы отправились в поход», потому что так оно и было. Прибыв, куда следует, наши герои тотчас же заметили таинственного незнакомца, чей вид не предвизжал ничего хорошего!

«Ой, что это?» – неожиданно взвизгнул он у них за спиной.

«Мы – Великолепная Питерка Эврика Блантера», – отвечают Том, Стэн, Дэйв, Найджел, Бернис, Артур, Гарри, Уи Джоки, Матумбо и Крейг?, потому что так оно и было.

«Не дерзайте ходить в Горемычное Аббатство, что на Таинственном Холме».

Этой же ночью, при свете верного пса Крэгсмора, Крейга? и Мутумбу уговорили взять на себя дрызгную ражоту. Вскоре они добрались до Горемычного Авватства и нос к носу столкнулись со старым калекою, который оказался давешним незнакомцем.

«По газонам ходить воспрещается», – грозно объявил он с высоты своей шляпы. Матумбо наскочил и, используя свой коронный приемник, одолел старого хрена. Крейг? быстро связал каляку по ножкам и ложкам.

«Скажи нам, в чем тайна Горемучного Обсратства?» – спросил Крейг?

«Можете бить меня, но вы никогда не узнаете этой тайны», – ответил тот сквозь свою зеленую шляпу.

«Все, что ты говоришь, может быть использовано в суде против тебя», – сказал Гарри. Так оно и вышло.

Грустный Майкл

Не было никаких причин грустить этим утром у Майкла, нахала такого, все ведь любили его, придурка. У него случилась ночь после трудного дня, потому что Майкл был тот еще петушок-крепышок. Жена его Берни всегда превосходно выдержанная, наскребла вполне кармальный завтрак, но опять же он был грустен. Странно видеть такое в человеке, у которого есть вроде все, да и жена впридачу. Около четырех, когда огонь в калине полыхал с веселым хряском, заглянул полюсмен, которому было офигенно нечего делать.

«Добрыденьги, Майкл», – заказал полюсмен, но Майкл не ответил, потому что он был и глух, и нем, и не умел гомерить.

«Как жена, Майкл?» – продолежал полюсмен.

«Заткни-ко свое харло!»

«А я думал, что ты и глух, и нем, и не умеешь гомерить», – сказал полюсмен.

«Что же мне теперича делать со всеми моими глухими– немými книжками?!» – воскликнул Майкл, тут же поняв, что с этой проблемой придется повозиться.

Я отправляюсь

В тропических морях по мрачным шхунам
Путем дерзающих, что разрушает сплин,
Одетый в скорлупу угольного сарая,
Я отправляюсь, как еврей счастливый,
На встречу с доброй Дорис Кинг.

Мимо зловещих древ и неуклюжих зданий,
Мимо крысячих псов, овцы больной,
Ссутулившись, подобно обезьяне-резусу,
Я отправляюсь, как щенок лохматый,
Чтоб сладко выспаться домой.

Вниз по тропам и ложбинам из камня,
Вниз, где поток журчит, точно миф,
В роскошном одеянии иудейском
Я отправляюсь, как носок измятый,
Туда, где ждет меня злой Берни Смит.

Письмо

Сэр,

Скажите, почему Вы не печатаете фотки и не рассказываете про нашу любимую группу (Бернииз унд Потрошительз)? Вы знаете что их всего тридцать девять и мы любим их потому что Алек так прыгает и вопит. Пожалуйста вышлите нам в специальном расшнурованном конверте Берна и Эрна когда они танцуют и из кожи вон лезут чтоб доставить удовольствие тем кто это заслужил эта замечательная группа и мы надеемся вы не заставите нас долго ждать.

Восторженная Поклонница

СЦЕНА ТРЕТЬЯ, АКТ ПЕРВЫЙ

ДЕКОРАЦИЯ: на сцене представлена широкополая комната с огромным камином напротив колоссального окна. Исполинский письменный том, заваленный всякими деловыми бумагами в беспорядке. У тома три, четыре а может, пять стульев. На одном сидит плюгавый замухрышка-рабочий, кепка в кулаке, которым он живо, но боязливо размахивает перед толстым жирным боссом-капиталистом. Белый слуга осторожно подкладывает уголь в очаг и удаляется через гигантскую дверь, ведущую куда-то еще. Кот нежится возле огня, вдруг подскакивает и улыбается во весь ковер. На стене – фотография Фельдмашера Лодра Моногаммери, который о чем-то задумался и выглядывает на сидящих внизу людей, а те, в свою очередь, посматривают на него, но не решаются предложить свою помощь.

Собачка тихо дожевывает пигмея под огромным столом. На старинных половых часах – половина четвертого.

Толстяк: – Уже половина четвертого, Теддпилл, а рабочие все еще не вышли на забастовку. Почему бы нам не разрешить все вопросы прямо здесь, сейчас, не прибегая к долгим перепериям с профсоюзами – всей этой болтовне, которая надоела еще твоему отцу?

Замухрышка: – Заткни свое хайло, ты большая жирная свинья, пока я не дал тебе по морде! Все одно, вы, гнусные жирные буржуи, долбаετε нас, бедных рабочих, угнетая до самой смерти, а сами забираете всю прибыль и ездите проклаждаться по всяким Франциям!

Толстяк (весь покрывшись красными и белыми пятнами): – Но послушай, Теддпилл, ведь вы теперь работаете всего два часа в день и три дня в неделю! Мы и так теряем большие деньги, а ты еще жалуешься на угнетение! Я все делаю, чтобы вам помочь. Наверное, можно было бы построить фабрику где-нибудь в другом месте, где люди любят трудиться, но фиг – мы теперь под контролем правительства, и все такое.

Замухрышка: – Заткни свое хайло, ты большая жирная свинья, пока я не дал тебе по морде! Все одно, вы, гнусные жирные буржуи, долбаετε нас, бедных рабочих, угнетая до самой смерти, а сами забираете всю прибыль и ездите проклаждаться по всяким Франциям!

Входит негритянка, напевая негритянскую песенку. На спине у нее – большой узел.

Мамаша: – Пойдем до папы, скинем ношу. (Сваливает узел на стол).

Толстяк (нетерпеливо): – В чем дело, мамаша, разве ты не видишь, что мы заняты тут с Теддпиллом, а ты вваливаешься, вся из себя такая черная и шумная? И убери это барахло с моего стола.

Мамаша: – О'кэй, КИМУ САХИБ БВАНА МАССА...(она берет узел и съедает его). Ням-ням-ням, такая вкусная.

Толстяк: – Все равно... Что там было, мамаша?

Мамаша: – То была твоенная маленькая дочь от твоей второй жены, КИМУ САХИБ...

Толстяк (покраснев): – Но ведь я не женат, мамаша.

Мамаша (всплеснув руками, в ужасе): – О Господь, значит, я только что съела ублюдка!

Она носится по комнате, крестится и напевает другую песенку. Замухрышка поднимается, решительно напяливает свою кепку и идет к двери. На пороге он оборачивается и, как в кино, грозит кулаком:

– Выкинь эту грязную бабу вон с фабрики, иначе когда мои парни проведуют, будет такая забастовка, какая тебе, буржую жирному, и не снилась! Даю хороший совет даром, ты, старый потаскун!

Замухрышка уходит. На сцене Толстяк, Мамаша и четырнадцать маленьких еврейских детей поют хором нечто вроде гимна.

К О Н Е Ц

Осип Сокрович

В маленькой портовой пивнушке в Бристоу оборванная шайка оборванцев выпивает и развеселяется (перед отплытием в дальние моря на поиски огромного Сокровича на неизвестном островке далеко в океане).

«Отставить треп, оболтусы соленые», – произнес, входя, Большой Джон Слюньвер. Костыляя, он направился к компании старых мыляков, которые измылили много морей.

«Скажи, Большой Джон, а где же напугай, который обычно сидел на твоём плече?» – спросил, приглядевшись, Слепой Жид.

«Не твоего ума дело», – пробурчал Большой Джон. – «Кстати, а где твоя белая трость?»

«Лопни мои глаза, если я знаю, Большой Джон! Да и откуда мне знать, ведь я ни фиги не вижу».

Тут вдруг появился малютка Джек Хоукинс, который подкрался незаметно, прикрываясь сумкой на голове.

«Ха ха аа аар Джек парнишка», – сказал Большой Джон, как и подобало старому морскому маринаду.

Вскоре все они выкатились из пивнухи и отправились в гавань, вместе с Капитаном Эполлетом и сквайром Трезвони. На следующее утро они отплыли при попутном ветре им в зад.

Большой Джон привязался к Джеку и держал его за сына, что ли – потому что он часто накладывал на него руку, приговаривая: «Ха хааааар», особенно если напугай сидел у него на кляче. Однажды, впрочем, малютка Джек Хоукинс случайно оказался за бочей кучек и подслушал, как шептались Большой Джон и несколько матрасов, которые сговаривались устроить на корабле шмунт против Капитана.

«Земля!» – раздался тут голос из голубятни на верхушке мачты. «Земля, все в порядке»! Подумать только, и вправду – глянь, вон маленький такой Осипок, зеленое пятнышко на горизонте, с пальмистыми деревьями, кокакасами и всем, что положено.

«Я б не удивился, если б там оказался вдруг бородатый старик, скачущий с камня на камень», – подумал Дизраэли Рукс, который видел это кино; так оно вскоре и оказалось.

В первую же шлюпку, что отправилась на берег, погрузились Большой Джон Слюньвер, малютка Джек и многие другие, на вид здоровые потные верзилы. Итак, они подплыли к Осипу, а вот и рехнувшийся старикашка,

который назвался Стен Гунн и сообщил, что сидит прямо на самом Сокровище долгие годы, потому что злой и жестокий Капитан Флинт наложил на него Чумную Метку – а сами знаете, что бывает с помеченными чумой.

Значит, постояв немного на якоре, и все такое, они поплыли обратно, домой в Бристоу, где всех их сразу же арестовали за незаконные земельные махинации; а малютка Джек Хоукинс оказался тридцатидвухлетним карликом; а Большому Джону Слюньверу пришлось покупать себе новую деревянную костылю, потому что старую Осип спалил в костре. Стен Гунн оказался юношей в расцвете сил и здаранья, ну, а верный кот Том вернулся в свой Ньюкасл.

Говорит Алек

Весьма изящно он изрек
Бурчание в траве
Вот ковыляет что есть ног
А вот адет амне.
Асреди атрав амнибус
Авнебесах Луна
Ачудится апасный путь
Аможетбыть хана.
Но все равно иду вперед
Без грусти и тоски
Вперед, вперед, вперед
Вперед, друзья мои, к победе и славе в
тридцать девятый раз.

Лиддипул

Возобновляя старую традицию, пыльные шляпцы медленно, но медленно возвращаются в Лиддипул. А помните старый обычай продулок по Балдей-стрит? Вновь входит в моду солнечное заговение на просторах Пивного Холла, а при морских прогулках пригодятся и ботинки для нагого кусания. И если мы, в общем-то, равнодушны к Моменту Королевы Викторинии, то почему бы не заглянуть в Худоубожественную Гуляйрею, особенно если вдруг пойдет дождь. Свин-Джоп Хаус кажется весь черным (и белым от маленьких пилигримчиков, которые слетаются сюда из Кислого Колледжа). Горабская Сратуша – весьма истерическое здание, хотя большинство старья, что хранится там, – подделки, и уж поверьте мне, Королева Анна никогда там не ночевала. Аэроперт «Шляут»предлагает к уснугам свои самолеты (уже без патруля правительства), да и компания Л.Ч.Ч.Ч. (Лиддипульский Ча-Ча-Ча) работает превосходно. Газета «Мерзки Быт» теперь распродается на три номера больше – это за счет иностранцев, которым все надоело, и они уехали домой.

Да уж, в Лиддипуле есть чем заняться, правда, не все сподручно.

Спросите Чего Попалегче

С чего это Пружиндент-то-Голый и Докер Аденоид так подружились последнее время? Спросите чего попалегче. За что был уварен Селедом Злойлед? Почему это Горазд Мак-Мильен играет в гольф с Попом Хопом? Почему Франк Камменс и его Треть-Бульон выступают против Общего Рыла? Спросите чего попалегче. Почему Хренцог Едимбургский так расплавался на яхте с Удойной Фигой? Почему Привеса Маргарина с Бонем Артритом распоряжаются Ямайкой? Спросите чего попалегче. Почему Презервент Трупмен не пожертвует свою пенсию на благотворительные нужды?

Милый милый Клайв

Для Клайва Барроу это был вполне обычный день, каких много случалось на его веку, ничего особенного или странного, все в полном поладке, в общем, ни Богу свечка, ни черту кочерга, живи да пожеывай; но для Роджера это был необычайный, подлинный День из всех дней, красный Пень в календаре... потому что Роджер сегодня собрался жениться и, одеваясь утром, вспоминал гей-развеселые холостяцкие пирушки-выпивушки, которые он, бывало, закатывал с приятелями. А Клайв не проронил ни слова. Для Роджера все вокруг как бы преобразилось – еще бы, об этом дне столько рассказывала мама, и он уже представлял, как нарядный, в своем лучшем костюме и всем прочем, он улыбается и пожимает руки направо и налево, а гости, подтягивая резинки и шнурки, бросают зерна криса на его машину.

Обладай же ею ныне и тризно... доколе смерть не различит вас... – все это он уже давно выучил наизусть. Клайв Барроу казался совсем бесчувственным. Роджер представлял себе Энн в струящемся подвенечном приборе, как ее везут к алтарю, а она блаженно улыбается. У него даже закоротило внутри, когда он прицепил галстук-бабочку и пригладил волосы перед зеркалом. «Надеюсь, я поступаю как надо,» – подумал он, глядя на свое отложение. – «Достаточно ли я хорош для нее?» Право, Роджеру не стоило волноваться, ибо он был именно таков. «Не украсить ли мне мои колеса цветами?» – говорила Энн, до блеска начищая подставку для ног. – «Или оставить как обычно?» – продолжала она, глядя на свою седогривую матушку.

«Какая разница,» – отмечала мать, подавляя усталый зевок. – «Все равно он не будет смотреть на твои колеса.» Энн слабо улыбалась, как человек, повидавший немного радостей в жизни.

Но, к счастью, из дальних морей возвратился эннин папаша и отменил жениха.

Невильский Клуб

Облачившись в свой задрипезный коричневый свинтер, я легко смешался с долбой в Невильском клубе, который был изрядною дырой. Вскоре я услышал, как все отгружающие стали говорить что-то вроде: «Кто тут главный?» Внезапно я заметил колоду корней и телиц, сидевших большой кучей прямо на полу. Они курили жмурь, пили одеон и тащились от всего этого на полную катушку. Кто-то из них был всего-то метр от полу, но имел собственный индийский гриб, который отрастил во сне. Дымя и булькая вовсю, они в момент настропалились и принялись отплясывать танец дикого живота, выкидывая неокрасуемые коленца.

Они не обольщали внимания ни на что вокруг. Одна телица всем раздавала пирожки с хлопками, имевшие большой успех. Пораженный и законфученный, я натянул резиновый хлящ, направляясь к двери.

«Будьте любезны, не толкайтесь,» – произнес тухлый голос.

«Что вы о себе воображаете?» – воскликнул я, гордо ушмеляясь.

«Я тут главный,» – произнес голос тухло, но грозно.

«Луна на небе – ах!» – вскричал другой, и началась музыка.

Мимо протанцевал негр, пожиравший банан, или кого-то еще. Я скукожился, надеясь попасться ему на глаза. Он обглазел меня и спросил устало: «Друг или невдруг?»

«Не вдруг,» – воскликнул я и застиг его врасплох.

Робкий

Я робкий, старомодный
Стеснявый я до слез
Я ни к чему не годный
Поверьте, я всерьез.

Я робкий до концов ногтей,
И пикнуть не решусь
Нет у меня совсем друзей
И танцевать боюсь.

Как во джунблях... во дремучих джунблях... сегодня ночует Белючий Охотник.

У изножия его постели Отумба несет строжу, охреняя хозяина от ядовитых несмыкающихся, например от смертоносной хвобры и могутного капитона.

Он и не подозревал, что как раз на следующее утро, как раз с самого бранного позаранка и случится настоящее приключение.

С чашей кончая Отумба разбудил хозяина, и они заправили свой путь в самую гущу джунблей.

«Кто это там?» – спросил Блевучий Находник. – Уж не слонопотам Пилл ли это, щеголяющий с новой шкурвой?

Может, это Летающий Голодранец спешит по делам?"

«Нет, ведь он шагает,» – сказал Отупа на суахили, как если бы из-за тридевяти земель. Вскоре они вышли на завалинку в джунблях и разбили шлагерь.

Джумбля-Джим, чье имя пусть останется неизвестным, медленно, но неторопливо пролажал свой путь сквозь заросли кальсон, не потосливая, что за ним наблеивает Белючий Охапник.

«Ату его, Атумба, – сказал Вонючий Охальник. – Пусти ему пух и

прах!»

«Нет! Но, может быть, на следующей нетеле я набью этим пухом подушку, которая сейчас мирно лежит в автобусе номер девять.»

Джемпер-Грим, чье имя пусть останется в норме, увидел, как Валячий Хахальник и Докеришка Гавкин стреляют носоглотов, гипперпертоников, а заодно и Отумбота.

«Не увивайте этих желудных!» Но на них эти слова не произвели печаления. Они все стреляли и стреляли алликратеров, тихих казанов, жидаффов, проказов, а заодно и дядю Тома-Кобру и прочих... старика дядю Мишу-Гризли и прочих... толстомясого Братца Кролика, Братца Бегемотика и прочих... Братца Тигру, ушастого Чебурашку и остальных— прочих.

Один под деревом

Один под деревом я сидел,
Я скромн, толст и мал.
Мне кто-то сладко песню пел,
Но кто – не разобрал.

Гляжу я вверх, на небеса -
Певицу не найду.
Дивлюсь я: кто ж моя краса?
Где спряталась в саду?

Кто ты, явись! Напрасен страх!
Так тщетно я взываю.
Ты, верно, прячешься в ветвях,
Приди ко мне, родная!

Заснул под сладкий тот мотив,
Что снилось – не пойму.
Проснулся, кустик оросив,
Вернулся под листву.

Вдруг на сучке увидел я -
Тут, брат, разинешь рот! -
Сидит обычная свинья
И, что есть сил, поет.

Я думал, ты – девица!
Мне смех не перевозмочь.
Вспорхнула тут певица
И улетела прочь.

Генри и Гарри

Генри был сыном своего отца, и вот настало время ему кончать со школой и подаваться в отцовское дело, то есть в тарабан-спекуляцию. Дело это было с гнильцой, и загнивалось довольно быстро.

«Папаня, ведь тарабан – спекулянтское дело – гнилое, не так ли?» – спросил Генри, молодой парень. Отец его Гарри не промедлил с ответом:

«Не городи чепуху, Генри. И отцы твои, и деды, что жили раньше того, даже раньше меня, черт подери!» – все были тарабанщики, и ничего тут не попишешь." Произнеся сие, он подвинул свои костыли поближе к очагу.

«Ну-ка расскажи мне еще раз, папаша, как угораздило тебе отхватить этикие костыли? Не в тарабан-спекуляции ли тут было дело?» – спросил молодой мальчишка Генри.

«И чего это ты вдруг опять о моих костылях заговорил, сынок?» – проворчал Гарри, но голос его потеплел.

«Люблю слушать, как ты рассказываешь эту историю, отец – да и к тому же не каждый имеет взаправдашнего отца-калеку!»

«Что ж, по-моему, ты верно рассудил, сынок» – сказал Гарри, горделиво поглядывая на него и думая при том: «Сын-то у меня растет настоящим тарабанщиком, провалиться мне на этом месте!»

«Я в гольф хочу играть, пап,» – сказал Генри с надеждой и совсем серьезно.

«Заруби себе на носу: ты тарабанщик, и никто другой,» – отрубил папаша Гарри.

На следующий день Гарри пропал, как сквозь землю провалился, ни слуху о нем, ни духу во всей паршивой дыре, где они жили, и папаша Гарри заболновался. «Не похоже это на него, маманя,» – сказал он старой карге, что прожевала с ними.

«За фигом тебе на фиг,» – отвечала мать с грубым акцентом.

Как вы уже, наверно, доперли, мальчишка Генри, попросту говоря, сбежал из дому, заплутал.

«Вот уж я покажу этому обрубку,» – твердил Генри сам себе, ибо поблизости никого не было. Но вышло так, приятель, что мальчишка Генри не смог ни в гольф играть, ни другой какой работы найти в близлежащем местечке Гольфинге.

«Видно, я и вправду тарабанщик, папаша Гарри правду сказал,» – тихо произнес Генри, но его опять никто не слушал. И вздохнув, поплелся он

домой, как и всякий другой мелкий Генри, не сумевший ни в гольф поиграть, на работу подыскать. Завидев издалека бутербродную свою помойку, он громко вскричал: "Е..." и добавив «Мое!...» выразил тем свои чувства.

«Мама, мамаша, это я, мальчишка Генри, я домой вернулся,» – говорил он, надеясь, что на него обратят внимание. Но старая ведьма все что-то копала, как если бы его тут и в помине не было. «Мамаша-маша, это я,» – заладил Генри снова, думая про себя: «И чего это она копается, а не врубается?» Но старая карга все копала, мурлыча себе под нос песенку, которую теперь фиг где услышишь. «Мамка-самка,» – сказал настырный мальчишка Генри, по правде сказать, он и мне уже порядком надоел.

«Разве ты не видишь, я хороню балбеса Гарри, твоего отца,» – отозвалась, наконец, старая каргамаша.

«Ну вот, давно бы так,» – откликнулся Генри, сразу просекая всю свалившуюся на него ответственность.

Тэд Глухой и Данута (со мной)

По долам и холминам проложим свой путь,
Пролетим, как стрела, над рекой.
Сквозь леса, и траву, и болотную мглу Тед глухой и Данута со мной.

Никогда мы не сменим прямого пути!
Звонко стремя поет под ногой,
И в сраженьи наш меч будет быстр и чист Тед глухой и Данута со мной.

И лягушка нам служит, как преданный друг,
Мы по праву гордимся собой.
В облаках, и в волнах, и в высоких горах Тед глухой и Данута со мной.

Мы любого злодея отважно сразим,
Попираем врага сапогой, каблукой!
И еврея, и негра, и Берни спасем Тед глухой и Данута со мной.

Джунгли, и тундра, и рощи, и степь,
Астон-Вилла у нас за спиной.
По песку и асфальту галопом спешим Тед глухой и Данута со мной.

Наша слава победно на суше гремит
И в глубокой пучине морской.
Ты о подвигах наших услышишь не раз Тед глухой и Данута со
мною.

Иногда мы берем с собою нашего приятеля Малькольма.)

Сюрприз Малютке Бобби

Сегодня у малютки Бобби день варения, вот он и получил сюрприз. Ведь у Бобби нету пятерки-кулака (война), так что прислали ему в подарок деньрожденный крючок-протрез!

Всю дорогу Бобби мечтал о своем собственном крючке, и вот в тридцать девятый день рождения его мольбы были услышаны. Небольшая только вышла накладочка: прислали ему левый крючок, но ведь всякая совака знает, что у Бобби-то не хватает правого кулака.

Что делать – вот проблема; но, недолго думая, он отхватил себе другую руку, и глядите – крючок подошел, как влитой! Кто знает, на будущий год, может и пришлют ему правый крючок, тоже.

(Пьеса) Четырнадцать долгих лет я жну, когда мой ненаглядный Хэлбат вернется с войны (она и не продозревает, что Хэлбат Зайц возвращается неожиданно, чтобы проверить ее чевственность).

Х.: Вод я и дома, Роузбин, я вернумшись с вой– ны, знаешь ли.

Р.: Ты получил свое жаворонье, Хэлбот?

Х.: Я припер тебе негру, Роузбин, с самой войны, знаешь ли.

Р.: Для меня, моего собственного негру, для меня, Хэлбот?

Х.: Я завсегда думал о тебе, Ройспин, что это ты моя собственная.

Р.: Вот это жизнь! Покажи же мне этого самого негру с войны, Хэлбаут!

Х.: Нет.

Р.: Что за сранные прихваты у тебя, Хэлфорд, разве это не я, твоя собственная?

Несчастный Франк

Франк поглядел на стол, едва отваживаясь глядеть на стол. «Я ненавижу этот стол» – сказал он. – «Старый паршивый стол в моем доме.» Затем он поглядел на часы. «Черт бы побрал эти часы в моем доме,» – сказал Франк, ведь это, понимаете ли, был его дом. Следующим ему попало на глаза кресло родимой матери. «И кресло это мне нисколько не нравится,» – прогундел он. – «А взгляните только на этот говер, весь дрязный и мыльный. И как мне только следить зазаза всем гнилым барахлом. Кто я такой, собственно, как не раб, приклепанный ко всякой такой дряни. Остается лишь с жабостью смотреть на всех прочих плюдей, весело хахающихся и изливающих надо мною. Как мне жить дальше? Как? Неужели до самой тверди придется ухаживать за всем этим поганым ветхим домом?» И Франк отправился к своей глухой старухе матери, которая прожевала с ним. «Над чем змеешься, глухая старая калоша?»

«Натерпелся я с тобою – и так хламот хоть отправляй, а тут ты еще гадишь по углам.» С этими словами Франк подошел и трахнул ее по башке. «Это тебе за твой дурацкий змех, глухая старая развалина.» «Ненавижу эту старую калошу,» – сказал он себе, злобно ухвыляясь.

«Продам-ка я весь этот вонючий сарай, да и тебя, мамаша, впридачу.»

Вот, он все продал, уехал и поселился в другой стране, которая ему и вполонину так не была дорога, как его родной любимый дом в Англии, где жила его милая, добрая, любимая мать-старушка; и все-то это он (Франк) потерял из-за своего крутого борова. Вот оно, значит, как бывает-поживает.

Одно Из Хмурых Утр

В одно из самых хмурых утр
Ползу я как собак
Забытый всеми бедокур
Пакуюсь в свой пиджак

Блеснет ли мне улыбка дня?
Девчачий звонкий смех
Порадует ли вновь меня
В декбрьской стужине?

Для них быть клевым тоже
С ухмылкой я спешу
Сведу прыщи на роже
И горб свой почешу

Оставьте фокус-покус
Меня не проведешь
Как не крутите попой-с
Я рассеку всю ложь.

Буль я что твой голландец
Чванливый пустобрех
Такой навел бы глянец
Чтоб быть не хуже всех.

Иной в толпе толчется
До полночи глухой.
Кто Дорис приглянется,
Найдет у ней покой.

Подъедь к ней, смел и грязен,
Большой крутой мужик
Она не терпит мрази,
Жиреющей в глуши.

Сосет свой «цайтунг» немец,
Как яблоко шалун
Он как большой младенец,
Знай лишь твердит «Варум?»

Бутылкой джина мерит
Невзгод и грусти слой
Малютка длинный Эрик
Дружок беспечный мой.

Плодись на всю катушку,
Ты плоть земли большой
Гляди-ка, вон в кадушке
Сидит ягнец святой.

В маленькой деревушке Замухрышке на речке Слизнючке разные сплетни и гнусные смухи быстро расползались среди забытателей-небокоптителей, что каратали там свой вяк.

В авангардле злоязычного сплетнения был некто Виктор Гардли, безобидный милый, отродясь никому не бредивший. Типичной злокозненной старой каргой, распространявшей гнусные смухи, была миссис Уэтэрби, овдовевшая за своим первым мужем.

«Черные делишки творятся у Викторишки» – так частенько поговаривали в деревеньке, правда, сам я не слышал. Все это, конечно, подавляло Виктора и едва ли совсем не раздавило.

«Почему, почему все они так плохо говорят обо мне, ведь я отродясь никому не бредил, и даже ни с кем не ругался,» – так, бывало, жаловался Виктор, хотя сам я не слышал.

«Он древожит добрых христиан в могилах,» – клеветала миссис Уэтэрби. Вся деревня была в взбздении.

«Этого мы не можем потерпеть,» – заявил Викарий, добрый христианин. – «Мы должны устроить засаду и поймать этого гнусного беса, обхренившего нашу церковь.»

азузнать, кто это играет в прятки– чертенятки с церковью. В четверг, а может, и в понедельник, небольшая компания, числом тридцать две души, все члены деревенской приправы, да присчетник с викарием, спрятались всеприметно на кластьбище, среди разного мертвого мусора.

«Теперь-то мы его поймаем, с Божьей полостью,» – так подумал один тип с носом-как-с– подносом. так восемь, все дружно заметили, что ничего, собственно, не произошло, и начали думать да гадать – к чему бы это? В конце концов, доверять – не доверять, о чем люди говорят?

Я Помню Это Арнольд

Я помню – это Какки Харгривс
Как утро, свеж и строен
Это Какки, Какки Харгривс
И его папа мистер Воэн.

Казался он вальяжным
Из-за велосипеда
По воскресеньям важно
Катался до обеда.

Да, я помню Катти Хэрбрим
Чем дальше, тем ясней
Это Катти, Катти Хэрбрим
И его папа мистер Мэй.

На станцию, бывало,
Он точно приезжал
Постранствовал немало
И в ящик вот сыграл

(в смысле попал под поезд, или чего-нибудь еще).

Так вот мы суетимся
До окончанья дней
Шалтай-болтай кружился

И папа Гарри Лэйн.

Бамблди – Хамблди – Хамблди
Бамблди – Тум (Спасибо.)

Кое-что о халявторе

Я родился 9 октября 1940, когда, кажется, нас все еще бомбивали нацисты под водительством Кондольфа Идитлера (он и смог-то всего однажды). В общем, до меня они не добрались. Я учился в разногроздых школах в Лиддиполе, но к удавлению моей тетушки, так и не получил диплома. Поскольку я являюсь учестником широкопубличного ансамбля «Битлз», наши (мои, П., Дж. и Р.) пластинки могут казаться более забавными, чем эта книжка. Но что до меня, то сия коррекция коротких смешнулек – самое умордительное обхохочище, какое я когда-либо чихал.

Бог да помажет и покормит вас всех.